

12. Символика килимов Стамбульского музея ковров [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://asian-lin.livejournal.com/13006.html>. – Дата доступа : 18.09.2021.

13. Нячаева, Г. Р. Арнаментальныя кампазіцыі канцоў ручнікоў як мадэлі культурнай прасторы / Г. Р. Нячаева // Ткацтва. Зборнік матэрыялаў па беларускаму народнаму ткацтву. – Мінск, 1999.

14. Нечаева, Г. Г. Симметрия пространства и времени в рушнике. Семантика формы рушника / Г. Г. Нечаева // Матэрыялы абласной навукова-практычнай канферэнцыі “Ручнік як увасабленне традыцыйнай культуры беларусаў” (Віцебск, 29–31 кастрычніка 1996 г.). – Віцебск, 1998. – С. 20–23.

15. Нечаева, Г. Г. Тексты текстиля и мифологические мотивы / Г. Г. Нечаева // Славянская мифология и этнолингвистика : сборник научных статей / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – С. 197–202.

Abstract. The tradition of patterned weaving of Neglyubka (southeast of Belarus) is investigated in the context of its culture. The article deals with the implementation of the semantic opposition of blindness / vision in the specific terminology of the names of ornamental elements, an essential part of which are phraseological units. In parallel coding of form / meaning, the action of ancient cultural codes of a non-verbal nature is manifested. Data represent a rich resource for reconstructing the local version of the worldview.

Keywords: Neglyubka, tradition, names of ornamental elements, phraseological units, semantic opposition “blind / seeing”, picture of the world.

УДК 811.161.1'373:398.9:087.5

Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва

ЛИНГВОКУЛЬТУРОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК МЛАДШЕМУ ШКОЛЬНИКУ

Аннотация. В статье обобщается отечественный опыт лингвокультурологического описания русских паремий в словарях, адресованных младшим школьникам. Особое внимание уделяется историко-этимологическому комментированию и репрезентации современного функционирования материала. Раскрываются принципы описания паремий в проектах Экспериментальной лексикографической лаборатории ПсковГУ.

Ключевые слова: паремиология, паремиография, лингвокультурология, лингвокультурография, пословица, школьный словарь пословиц.

Русские половицы и поговорки, обладающие огромным лингвокультурологическим потенциалом, все чаще становятся объектом описания в словарях, адресованных младшему школьнику. Эти издающиеся и переиздающиеся большими тиражами словари и словарики, зачастую составленные непрофессионально, активно раскупаются родителями независимо от качества разработки материала, которое в такой ситуации никем не контролируется. Цель данной статьи – обобщить отечественный опыт лингвокультурологической репрезентации паремий в учебных словарях и представить методически и научно обоснованные и лингвокультурографические приемы их описания, реализуемые в проектах Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета.

Лингвокультурографическая репрезентация пословицы или поговорки должна, на наш взгляд, включать такие параметры, как комментирование этнокультурно маркированных компонентов оборота, лингвокультурологически ориентированное его толкование, историко-этимологический комментарий, контекстуальное иллюстрирование особенностей функционирования в современных социокультурно значимых ситуациях.

На материале поговорок, под которыми, вслед за В. М. Мокиенко, мы понимаем фразеологизмы-идиомы [1, с. 3], эта модель последовательно реализуется в учебных словарях В. П. Фелицыной и В. М. Мокиенко [2–5], ориентированных на старших школьников, а также иностранных студентов и активно используемых в педагогической и лексикографической практике [6–8].

В ходе анализа фразеологических словарей для младших школьников, изданных в 2000–2020 гг. [9–13], нами не выявлено ни одного источника, соответствующего требованиям научной достоверности при раскрытии культурного фона поговорок при их историко-этимологическом комментировании: недочеты в этимологизирующих формулировках и художественных иллюстрациях, допущенные составителями таких словарей, подробно рассмотрены нами в монографиях и научных статьях [14, с. 49–51; 15, с. 60–64; 16, с. 103–106; 17, с. 179–180]. Лингвокультурология пословиц в детских словарях, о чем и пойдет речь ниже, также не лишена недостатков, затрудняющих освоение этнокультурной специфики паремиологического материала.

Возникают вопросы к авторам детских словарей по поводу отбора паремий. Вряд ли оправданным с воспитательной и лингвокультурологической точек зрения является включение в словари для младших школьников таких единиц, как *Солдат спит – служба идет* [18, с. 155] или *Натура – дура, судьба – индейка, а жизнь копейка* [19, с. 72], как и иллюстраций, изображающих курящих персонажей (например, в статье «Сытый голодного не разумеет») [18, с. 158] или отчаянно дерущихся мальчика и девочку («До свадьбы заживет») [18, с. 54]. Вводят в заблуждение относительно аксиологического содержания и происхождения пословиц иллюстрации в статьях «Русская душа простор любит» (на рисунке медведь в крестьянской одежде, убивающий бревном стрекозу) [18, с. 141], «Сорока на хвосте принесла» (стая птиц, у одной из которых на шее спасательный круг с надписью «Спасайся сам») [18, с. 156], «Бодливой корове бог рогов не дает» (изображена агрессивная свинья с вилами) [20, с. 164].

Недостаточными представляются и комментарии лингвокультурологического плана, включающие, например, в словарях, составленных С. Н. Зигуненко [18] и Д. В. Недогоновым [20], толкование паремии и этимологическую информацию. Здесь уместными были бы и комментарии к отдельным компонентам пословиц – устаревшим лексическим единицам, этнографизмам, фольклоризмам и т. п., например, *коромысло* («Ремесло не коромысло, плен не тянет») [18, с. 140], *сыр-бор* («Из искры сыр-бор разгорелся») [18, с. 77] или к целому прототипу паремии, отражающему ушедшие в прошлое реалии крестьянской жизни: например, в статье «Вскачь не напашешься» у С. Н. Зигуненко лингвокультурологический комментарий мог бы включать краткое описание процесса пахоты, где лошадь не должна скакать галопом. Однако приводимое автором пояснение доступно толкует паремию, но никак не раскрывает культурологически ценный пословичный образ: *ВСКАЧЬ НЕ НАПАШЕШЬСЯ. Не надо чересчур торопиться, «пороть горячку», от этого страдает качество, – намекает пословица. Важна не скорость исполнения того или иного дела, а тщательность. «Спешика нужна лишь при ловле блох, а то разбежится, – язвительно может добавить кто-то, указывая на огрехи наскоро выполненной работы. И добавит: «Скоро только блины пекут», а твоя работа – «не блин испечь»* [18, с. 39]. Добавим, что при таком отражении в словарной статье системных связей паремии уместным было бы отослать читателя к словарным статьям «Скоро только блины пекут», «Не блин испечь», в которых получит комментарий и этнокультурно маркированное сочетание *печь блины*, однако такие статьи в словаре отсутствуют и дополнительная лингвокультурологическая информация остается не раскрытой.

Нереализованность лингвокультурологического потенциала паремии на уровне ее компонентов и всего прототипического выражения при комментировании проиллюстрируем и материалом словарной статьи у этого же автора: *МОЯ ХАТА С КРАЮ. Пол-*

ный текст пословицы таков: *Моя хата с краю, ничего не знаю. Так говорят те, кто хочет подчеркнуть свою непричастность к какому-то делу или событию, чаще всего неприятному* [18, с.104].

В нашей лексикографической концепции экспликация этнокультурных и аксиологических компонентов содержания паремии является основополагающим принципом и реализуется с учетом фактора адресата – младшего школьника (уровень языковых и страноведческих знаний, особенности протекания познавательных процессов и т. п.). Так, статья «Моя хата с краю» в интерактивном словаре «Ума палата» [21] представляет южнорусскую и украинскую хату на фоне севернорусской избы, юрты, чума, вигвама (читатель посещает выставку детского рисунка «Такие разные дома»). Затем в формате компьютерной игры из множества хат он формирует деревню, при этом какие-то хаты все время остаются «с краю». Текст, сопровождающий такое конструирование, рассказывает о жизни деревни в те давние времена, когда появилась пословица, и подводит читателя к выводу о ее происхождении: хаты на окраине деревни строили приезжие, которые были не в курсе деревенских новостей и на вопросы незнакомого человека отвечали фразой, которая потом стала пословицей. Да и осторожные старожилы тоже могли использовать это выражение, чтобы не вступать в контакт с чужаками [21, с. 108–112].

Особое внимание уделяется в наших паремиографических проектах комментированию компонентов пословиц, которые оказываются ключевыми при интерпретации исходного значения паремий, которое не всегда корректно определяется в детских словарях. Так, Д. В. Недогонов отмечает, что пословица *Делу время, а потехе час* ведет происхождение со времен правления царя Алексея Михайловича, ссылается на его указ, в котором говорилось, что «нельзя разного рода забавам отдавать все свое время». Приводится и цитата из текста указа («не забывайте: делу время и потехе час»), в которой автор комментария не обращает внимания на соединительный союз *и*, который в современном варианте пословицы заменен противительным *а*.

Формат паремиологического словаря в рассказах позволяет нам детализированно представить эту пословицу и ее компоненты на разных этапах функционирования и более точно передать все нюансы сопровождавших это функционирование языковых преобразований. Так, из комментария к компоненту *час* читатель узнает, что в древнерусском языке это слово употреблялось в значении ‘время’, и с учетом этого делает вывод о первоначальном значении пословицы: всему свое время – и делу и развлечениям. Изложение этой информации от лица школьника, осмысляющего содержание паремии, делает лексикографический текст более привлекательным и убедительным для сверстников «рассказчика»:

Так хочется отдохнуть после школы! Но тут как тут бабушка: «Надо за уроки садиться! Делу время, потехе час!» Сначала я ей говорил, что час еще не прошёл, и она засекала время. А теперь я знаю, как перевести эту пословицу с древнерусского языка: «делу – время, потехе – время!» И про количество времени ничего не говорится! Это аргумент в мою пользу! Молодцы наши предки – тоже любили развлекаться. Правда, пословица имела у них такой смысл: всему своё время. Но это я бабушке пока не скажу (Сергей С., Псков) [22, с. 48–49].

Сюжеты таких рассказов основаны на реальных историях, которые в период педагогической практики собирают студенты, работающие с младшими школьниками. А работа с готовыми словарными материалами подтверждает эффективность этого лексикографического приема, стимулирующего познавательную активность школьников и мотивирующего их к осмыслению, в том числе критическому осмыслению, официальных этимологических версий, например, из словаря Д. В. Недогонова: *ТЯЖЕЛО В УЧЕНЬЕ, ЛЕГКО В БОЮ. Эта фраза из бессмертной «Науки побеждать» великого русского полководца А. В. Суворова стала народной пословицей* [20, с. 200].

Вот как в нашем словаре [22] рассказчик-школьник уточняет этимологию выражения:

Тяжело в учении – легко в бою! Многие думают, что так своим солдатам говорил великий полководец Суворов. Но разве в бою может быть легко? Там ведь даже убить могут. Суворов говорил по-другому: «Легко в учении – тяжело в походе, тяжело в учении – легко в походе», а со временем его выражение трансформировалось. Это нам рассказал наш историк. Он даже чем-то похож на Суворова. И тоже Александр Васильевич. Но использует уже современный вариант пословицы. «Тяжело в учении – легко в бою», – так он говорит нам перед зачётом по теме [22, с. 99–100]. Далее в тексте представлены разные речевые смыслы пословицы, реализуемые и другими членами семьи рассказчика в актуальных для них ситуациях: сестре рассказчика тяжело на репетициях перед отчетным концертом, брату – в обучении на медицинском факультете – зато будет легко в профессии.

Такое привлечение современных ситуаций употребления паремий в значимых для школьников сферах (семья, школа, спорт, развлечения и т. п.) позволяет отразить особенности функционирования паремий, подготовить школьников к их использованию в реальной коммуникации, т. е. решить задачу, которую не ставят перед собой составители детских словарей пословиц, не иллюстрирующие паремии контекстами употребления [18–20].

Нельзя считать удачными и игровые речевые реализации пословиц в «научно-развлекательных» произведениях, как, например, в книге С. А. Лавровой, где ожившие пословицы ведут диалог, не дающий никакого представления об их реальном функционировании:

< ... > – Ничего себе горошек, – почесала в затылке пословица «Кто надеется на небо, тот сидит без хлеба».

– Непонятно, почему стебель не падает, – подивилась пословица «Что посеешь, то и пожнешь, что пожнешь, то и смолотишь».

– Так уже было в русской сказке, – вспомнил «Что летом родится, то зимой пригодится». – Горох высокий вырос, а старик по нему до неба слазил.

– Ага, отличная идея! – обрадовался «Кто первый сеет, тот первый и убирает» [23, с. 188–189].

Лингвокультурологическая ценность тематических словарей пословиц, которые также представлены изданиями, предназначенными младшим школьникам [19; 24], заключается в пословичной репрезентации базовых концептов лингвокультуры, а также различных этноспецифических реалий окружающего мира, наименования которых вынесены в заголовки тематических разделов. При отсутствии толкований и комментариев особую значимость приобретает наполнение этих разделов, позволяющее при соответствующем уровне лингвокультурологической компетенции сделать выводы о понятийном содержании, образной стороне и аксиологических установках, передаваемых материалом соответствующих фрагментов пословичной картины мира. Однако эта задача практически невыполнима в том случае, если критерии формирования тематических разделов не выдерживаются автором. Например, в словаре И. В. Клюхиной при заявленном формировании тематических групп «по ключевым (опорным) словам, которые определяют смысловую нагрузку выражений» [19, с. 3], эти опорные слова определяются крайне субъективно, в результате чего в группу «Деревня» наряду с пословицами *Деревня богата, так и город богат; Деревня родима краше Москвы* и т. п. попадает выражение *Пришел сон из семи сёл, пришла и лень из семи деревень* [19, с. 20], в группу «Лес» включаются пословицы *Работа не волк, в лес не убежит; Волков бояться – в лес не ходить* и т. п. [19, с. 36–37], к пословицам о матери (*Мать кормит детей, как земля людей; Сердце матери – вежун* и т. п.) относятся и паремии *Праздность – мать всех пороков; Усердие – мать удачи; Матушка-рожь кормит всех сплошь* и т. п.) [19, с. 40–41].

И даже при корректном тематико-стержневом расположении материала, например, у О. Д. Ушаковой [24], для адекватного осмысления младшим школьником всей полноты этнокультурного фона паремий явно не хватает хотя бы кратких лингвокультурологических комментариев.

Оптимальным приемом учебной лингвокультурологической интерпретации группы паремий, общих по тематической принадлежности, является, на наш взгляд, их комплексное описание в лингвокультурологическом тексте-комментарии. Так, в словаре «Пословицы в русской речи» [22] статья «Хлеб – всему голова» помимо этой заголовочной единицы включает описание паремий *Хлеба ни куска – и в избе тоска; Хлеб – батюшка, водица – матушка; Земля – матушка, а хлеб – батюшка; Ржаной хлебушко – калачу дедушка; Ржаной хлебушко – калачу дедушка*, а рассказ-комментарий ведется от лица школьницы, побывавшей на экскурсии в Музее хлеба [22, с. 108–109]. В статье «Жениться – не воды напиться» лингвокультурологическая интерпретация заголовочной паремии, а также пословиц *Не ищи красоты, а ищи доброты* и *Стерпится – слюбится* включается в полилог членов семьи, обсуждающей подготовку к свадьбе старшего сына и вспоминающей семейные традиции прошлого, отразившиеся в пословицах [22, с. 57–58]. Тему дружбы в паремиологическом отображении (пословицы *Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Друзья познаются в беде; Сам погибай, а товарища выручай* и др. – статья «Не имей сто рублей, а имей сто друзей») представляет ребятам школьная учительница, хорошо разбирающаяся в музыке и цитирующая в дополнение к пословицам современные рэп-композиции, посвященные дружбе и друзьям [22, с. 80–81].

Таким образом, разработка словарей пословиц, адресованных младшим школьникам, требует от составителей профессионального подхода к параметризации материала в лингвокультурологическом плане, использования опыта отечественной лингвокультурологии, накопленного в сфере словарной репрезентации паремий, учета познавательных потребностей и способностей ребенка. Представленные в данной статье модели лингвокультурологического словарного описания паремий, используемые в проектах Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета, прошедшие широкую апробацию и получившие положительные отзывы в научной и педагогической среде, могут быть использованы составителями при разработке детских словарей пословиц.

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 784 с.
2. Фелицына, В. П. Русские фразеологизмы : лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. – М. : Рус. яз., 1990. – 220 с.
3. Фелицына, В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. – 704 с.
4. Фелицына, В. П. Фразеологический словарь для школьников / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. – СПб. : Норинт, 2005. – 512 с.
5. Мокиенко, В. М. Школьный словарь живых русских пословиц / В. М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2002. – 352 с.
6. Бинь, Ч. Концепт «богатство» в русских паремиях / Ч. Бинь // Русский язык в XXI веке: исследования молодых : мат-лы VI междунар. науч. конфер. – Сургут : Сургутский государственный педагогический университет, 2019. – С. 80–81.
7. Никитина, Т. Г. Русские пословицы в современном социокультурном контексте: к вопросу о составе паремиологического минимума / Т. Г. Никитина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 10–5 (41). – С. 87–89.
8. Мамонтов, А. С. Лингвострановедческий учебный словарь для монгольских граждан: специфика представления материала / А. С. Мамонтов, Э. Цэдэндоржийн, В. В. Богуславская //

Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2019. – Т. 18. – № 1. – С. 74–85.

9. Волина, В. В. Фразеологический словарь / В. В. Волина. – СПб.: Дидактика Плюс, 2001. – 256 с.

10. Розе, Т. В. Большой фразеологический словарь для детей / Т. В. Розе. – М.: Абрис ОЛМА, 2019. – 224 с.

11. Ставская, Г. М. Учусь понимать образные выражения: Фразеологический словарь: пособие для учащихся нач. шк. / Г. М. Ставская. – М.: Дрофа, 2002. – 224 с.

12. Ушакова, О. Д. Почему так говорят: Фразеологический словарь школьника / О. Д. Ушакова. – СПб.: Издательский Дом «Литера», 2004. – 96 с.

13. Волков, С. В. Уникальный иллюстрированный фразеологический словарь для детей / С. В. Волков. – СПб.: Сова, 2009. – 222 с.

14. Роголёва, Е. И. Современная учебная фразеография: теория и практика / Е. И. Роголёва. – Псков: ООО ЛОГОС Плюс, 2014. – 344 с.

15. Роголёва, Е. И. Современные проблемы словарного описания русских фразеологизмов / Е. И. Роголёва. – Псков: ООО ЛОГОС Плюс, 2015. – 312 с.

16. Роголёва, Е. И. Художественная иллюстрация как средство лексикографической интерпретации фразеологического образа в учебном словаре для детей / Е. И. Роголёва // Педагогика искусства. – 2016. – № 2. – С. 102–108.

17. Роголёва, Е. И. Учебный фразеологический словарь как средство социокультурной адаптации младших школьников / Е. И. Роголёва // Герценовские чтения. Начальное образование. – 2013. – Т. 4. – № 2. – С. 179–186.

18. Уникальный иллюстрированный толковый словарь пословиц и поговорок для детей / авт.-сост. С. Н. Зигуненко. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 206 с.

19. Пословицы, поговорки и крылатые выражения. Начальная школа / сост. И. В. Ключихина. – М.: ВАКО, 2009. – 96 с.

20. 7 иллюстрированных словарей русского языка для детей в одной книге / авт.-сост. Д. В. Недогонов. – М.: АСТ–Астрель: Полиграфиздат, 2012. – 207 с.

21. Роголёва, Е. И. Ума палата. Детский фразеологический словарь / Е. И. Роголёва, Т. Г. Никитина. – М.: Изд. Дом Мещерякова, 2014. – 192 с.

22. Ая, У. Пословицы в русской речи. Учебный словарь с комментариями на эстонском языке / У. Ая, Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва. – Псков: Логос, 2012. – 124 с.

23. Лаврова, С. А. В главных ролях – пословицы! / С. А. Лаврова. – М.: Изд. Дом Мещерякова, 2019. – 208 с.

24. Ушакова, О. Д. Пословицы, поговорки и крылатые выражения. Словарик школьника / О. Д. Ушакова. – СПб.: Литера, 2021. – 96 с.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00091 «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Abstract. The article summarizes the domestic experience of linguoculturological description of Russian proverbs in dictionaries addressed to younger schoolchildren. Special attention is paid to the historical and etymological commentary and representation of the current functioning of the material. The principles of describing proverbs in the projects of the Experimental Lexicographic Laboratory of Pskov State University are revealed.

Keywords: paremiology, paremiography, linguoculturology, linguoculturography, proverb, school dictionary of proverbs.

УДК 811.161.1'316.752'373.4

Е. В. Ничипорчик